

минается и другой случай возникновения разногласий между Генпрокуратурой и Следственным комитетом, — при рассмотрении в суде вопроса о даче согласия на заключение под стражу генерал-лейтенанта А. Бульбова.

⁸ См.: Демченко, В. Чем закончится «война элит»? / В. Демченко, А. Реут, А. Латышев // Российская газета. — 2007. — 17 декабря. Заметим, что Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка назвал «чушью» и «бредом» публикации некоторых СМИ о том, что между Генпрокуратурой и следственным комитетом существуют противоречия или даже противостояние. См.: Ямшанов, Б. Генпрокуратура компромат не ищет / Б. Ямшанов, А. Шаров // Российская юстиция. — 2007. — 26 декабря.

⁹ Это выявлено при анкетном опросе 318 практикующих юристов, в том числе 100 следователей органов внутренних дел Самарского региона. См.: Шейфер, С.А. Процессуальные и организационные проблемы совершенствования деятельности следственного аппарата / С.А. Шейфер, А.В. Бобров // Юридический аналитический журнал. — Самара. — 2006. — №1(15). — С. 5.

¹⁰ См.: Ямшанов, Б. Следствие для важных дел / Б. Ямшанов // Российская газета. — 2007. — 13 ноября.

¹¹ См.: Яшманов, Б., Шаров, А. Указ. соч.

А.А. Тарасов*

О ДОПУСТИМЫХ ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Суд присяжных всю историю своего существования был предметом жестоких споров и в обществе, и в уголовно-процессуальной науке. Для этих споров всегда была характерна не только яркая эмоциональная окрашенность, но и крайняя поляризация мнений как в отношении самой идеи суда присяжных, так и в отношении мельчайших процедурных деталей его деятельности. Оценки роли непрофессиональных судей, самостоятельно решающих главный вопрос уголовного дела — о виновности либо невиновности подсудимого — всегда колебались в невероятно широком диапазоне. На одном краю этого диапазона — анализ глобальных правовых преимуществ, открываемых разделением компетенции между профессиональной и непрофессиональной частями судейской коллегии, обоснование

* © Тарасов А.А., 2008

Тарасов Александр Алексеевич — д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

способности суда присяжных оказывать позитивное влияние на всю систему уголовного судопроизводства¹. На другом — многократно воспроизводимое в разных исторических условиях представление о суде присяжных как о некоей народной вольнице, где решения принимаются исключительно на эмоциональной основе, в слепой доверчивости некомпетентного простолюдина «понравившемуся» участнику процесса, вне сколько-нибудь надежной связи с обстоятельствами исследуемого события.

«Суд присяжных, — пишет А.Д. Бойков в 2002 г., — неэффективная форма правосудия из-за профессиональной некомпетентности, подверженности групповым пристрастиям, эмоциональному воздействию риторики сторон. Проведение эксперимента с судом присяжных в России подтвердило эти недостатки. Однако результаты эксперимента не были подвергнуты объективной оценке»². Последнее замечание вызывает некоторое недоумение, поскольку периодическая печать и специальная литература второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. пестрят публикациями по общим проблемам суда присяжных, проблемам отдельных его институтов, в том числе — работами, посвященными анализу конкретных решений по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей³. Из контекста рассуждений самого А.Д. Бойкова понятно, что объективная оценка суда присяжных должна совпадать с авторской, то есть непременно быть негативной. Для сравнения с приведенной цитатой уместно привести другую — из книги известного противника суда присяжных В. Фукса «Суд и полиция», изданной в Москве в 1889 г.: «"Суды общественной совести", упразднив суд по закону, поколебали в сфере уголовного правосудия саму правду, справедливость и нравственность, предоставив применение этих основных начал всякого благоустроенного суда — делу случая»⁴. Очевидно, что за сто с лишним лет аргументы противников суда присяжных не претерпели сколько-нибудь существенных изменений.

Убежденный сторонник суда присяжных⁵ не может не учитывать, что судьба обрекает этот суд на то, чтобы вечно раздражать общественное мнение, стимулировать развитие юридической науки, причем и в части разработки тех проблем, которые не имеют к суду присяжных какого-то особого, не характерного для обычного судопроизводства, отношения (допустимости доказательств, гласности

правосудия, коррупции в системе уголовной юстиции и др.). Широкий диапазон оценок суда присяжных и его процедурных элементов в подавляющем большинстве случаев порождает столь же широкую возможность поиска оптимальных вариантов регулирования этой формы уголовно-процессуального производства. Такой поиск, скорее всего, вечен; в разных странах он приводит к разным результатам – в Германии начала XX в. он привел к отказу от суда присяжных как такового (с сохранением в законе только названия), а в Испании конца XX в. – к его установлению.

Весьма распространенные рассуждения российских авторов об устойчивой для многих современных развитых государств тенденции отказа от суда присяжных (известные, кстати, ещё с советских времен⁶) грешат излишней категоричностью. Достаточно сказать, что в США малый процент дел рассматривается судом присяжных, в значительной степени потому, что альтернативой ему по всем этим делам выступает «сделка о признании», заключение которой лишает смысла рассмотрение дела судом присяжных. Заметим, что в такой ситуации обвиняемые имеют почти неограниченную свободу выбора между судом присяжных и названной упрощенной формой судопроизводства (по всем делам о преступлениях, за которые в качестве наказания может быть назначено более одного года лишения свободы). Заметим также, что в этих условиях американский законодатель не только не ликвидирует суд присяжных по причине его редкого использования, но даже не сокращает потенциальную сферу его применения.

Принимая как данность дискуссионный фон вокруг суда присяжных, считаем необходимым условно сгруппировать и проанализировать разные суждения авторов по вопросу о его совершенствовании в современной России, имея в виду, что оптимальная процессуальная форма его деятельности формируется в постоянном поиске баланса между разными крайностями в решении разных процедурных вопросов. В дискуссиях по поводу суда присяжных прямые заявления о его поддержке далеко не всегда означают, что конкретный автор действительно поддерживает именно суд присяжных. Конструктивные, неотъемлемые признаки суда присяжных формировались в течение нескольких столетий. Л.М. Карнозова верно отмечает, что хотя один из наиболее известных специалистов по этой проблеме,

К. Миттермайер, и писал, что «нет суда присяжных вообще, есть суд присяжных английский, французский, американский, бельгийский и др., тем не менее, наряду со многими другими авторами он выделял инварианты, отличающие эту процессуальную конструкцию от других. Основная отличительная черта суда присяжных состоит в том, что решение относительно виновности или невиновности подсудимого принимается *самостоятельно коллегией непрофессиональных судей*»⁷. Здесь важно подчеркнуть, что любая иная форма судопроизводства, не обладающая названными характеристиками, — это не суд присяжных.

Учитывая традиционные аргументы некоторых сторонников коренного реформирования современной российской модели суда присяжных, считаем также уместным напомнить классические критерии разграничения двух наиболее известных правовых форм участия «народного элемента» в отправлении правосудия по уголовным делам (суд присяжных и суд шеффенов), обозначенные И.Я. Фойницким в 1910 г.: «Шеффены избираются не на одно дело, как присяжные заседатели, а на целый ряд дел, подлежащих рассмотрению в данную сессию; шеффены образуют одну нераздельную коллегию с коронным судьей, председательствующим в шеффенском суде; совместно с ним они постановляют приговор как о вине, так и о наказании, принимая более или менее значительное участие и в разрешении процессуальных вопросов, возникающих при производстве дела в судебном заседании; приговор, постановляемый шеффенским судом, должен быть мотивирован, между тем как присяжные заседатели не приводят оснований своего решения; приговоры шеффенских судов подчинены апелляционному пересмотру»⁸.

Предложенные в литературе пути реформирования суда присяжных можно условно разделить на три большие группы.

1. Предложение отказаться от суда присяжных⁹:

- а) либо с возвратом к институту народных заседателей;
- б) либо с полным отказом от народного участия в правосудии.

2. Предложение «усовершенствовать» суд присяжных путем лишения его тех главных качеств, о которых шла речь выше:

а) либо путем введения непрофессиональных судей в одну коллегию с профессиональным (коллекцией профессиональных судей)¹⁰;

б) либо путем изъятия из компетенции присяжных заседателей вопроса о виновности (невиновности) подсудимого¹¹.

3. Предложение усовершенствовать отдельные процедурные элементы с целью более последовательной реализации главных существенных качеств суда присяжных.

Сейчас мало у кого возникают сомнения в необходимости совершенствования процедуры производства в суде присяжных. Главное ее достоинство — простота и целесообразность совершаемых участниками процесса действий, доступность их содержания, целей и результатов для восприятия всеми присутствующими в зале суда. С.А. Насонов верно отмечает, что российская процедура судебного следствия в целом более «доступна восприятию и самостоятельному уяснению присяжными», нежели англо-американская, чему способствует деление судебного следствия на две части и возможность обратиться к «судейскому инструктированию»¹² Однако отдельными процедурными правилами, а главное — практикой их реализации это достоинство нередко ставится под сомнение и дает дополнительные поводы для критики самого суда присяжных как формы отправления правосудия. В литературе наибольшее внимание сосредоточено на объективно predetermined сложности формулировок вопросного листа, на «усеченной» состязательности при его формулировании, на спорности количества и качества необходимых ограничений объема воспринимаемой присяжными информации об обстоятельствах дела и т.д. Авторские суждения трудно даже классифицировать, не говоря уже о том, чтобы однозначно оценить, однако из контекста большинства этих суждений видно, поддерживает ли тот или иной исследователь саму идею суда присяжных, исторически сложившиеся контуры которой обозначены выше, или пытается выдать за суд присяжных какие-то собственные представления о какой-то очень хорошей, с его точки зрения, форме производства по уголовным делам.

Известный сторонник суда присяжных И.Б. Михайловская без пафосных восклицаний по его поводу совершенно справедливо отмечает в числе особенностей доказывания при этой форме судопро-

изводства немотивированность вердикта присяжных и отсутствие в законе такого требования к вердикту (в отличие от других властных решений – ч. 4 ст. 7 УПК РФ)¹³. Она также отмечает объективно обусловленную разницу в объеме исследуемых профессиональными и непрофессиональными судьями обстоятельств дела¹⁴. Сказанное в полной мере соответствует тому, что писали о суде присяжных до-революционные юристы.

Р.К. Шамсутдинов, напротив, активно позиционируется как сторонник суда присяжных и высказывает комплименты этой форме осуществления правосудия со ссылками на А.Ф. Кони. Однако то, во что автор предлагает превратить эту форму, уменьшив количество заседателей до пяти и убрав из их компетенции главный вопрос уголовного процесса – о виновности либо невиновности, – это не суд присяжных. Не заявляя об этом прямо, автор использует традиционные для противников суда присяжных аргументы: об «ущербности» того, что вердикт присяжных не мотивируется; о таком «юридическом нонсенсе», как факт разрешения вопроса о доказанности вины «юридически неподготовленными, далекими от уголовной юриспруденции» людьми¹⁵. Очевидно, что идея суда присяжных просто не понята Р.К. Шамсутдиновым, и ссылаться на высказывания А.Ф. Кони в поддержку своей позиции он не вправе, ибо этот великий русский юрист всегда выступал именно за классическую модель суда присяжных, считая его лучшим достижением российской судебной реформы.

Названные выше сущностные правовые особенности суда присяжных выбраны законодателем не произвольно. Они подчинены главной идее этого суда, которая, на наш взгляд, до сих пор не понята многими российскими юристами-профессионалами, а вслед за ними – и многими гражданами. Л.М. Карнозова справедливо отмечает: «Критика суда присяжных обычно сводится к критике способности "народного элемента" к правосудию. При этом игнорируется важнейшее обстоятельство, что суд присяжных – это не "народное правосудие", а особая конструкция процесса с участием народного элемента, с разделением компетенции между профессиональными и непрофессиональными судьями, которые участвуют, по терминологии юристов прошлого века, в совокупной деятельности по отправлению правосудия и являются элементами определенной целост-

ности»¹⁶. И далее: «Суд присяжных — это суд профессионалов, в том смысле, что именно от деятельности профессиональных юристов зависит качество этого суда»¹⁷. Привлечение к решению вопроса о доказанности вины среднестатистических граждан страны требует от участвующих в деле профессионалов высочайшего качества работы по представлению доказательств, по ведению судебного следствия, по обоснованию позиции по делу, по формулированию вопросного листа, по произнесению напутственного слова и т.д. Такая работа и такие ее результаты обычно понятны любому психически полноценному взрослому человеку, ибо предмет разбирательства в суде — это жизненные ситуации, а не радиоп физика и не астрономия. К такому качеству работы готовы сегодня далеко не все государственные чиновники и адвокаты, и издержки деятельности суда присяжных обусловлены, главным образом, именно этим. Этим часто обусловлено и негативное отношение к суду присяжных в самых разных слоях населения.

Легковесное представление о суде присяжных как о «народной вольнице», в которой эмоционально настроенная толпа криком определяет, кто виновен, а кто не виновен, руководствуясь симпатиями и антипатиями, — это следствие плохого знания авторами истории суда присяжных, превратного понимания причин и целей его создания. Попытка оценивать суд присяжных в русле ответа на нехитрый вопрос: «Кто лучше разбирается в юриспруденции — профессионал или непрофессионал?» — по самой сути своей ущербна и бесперспективна. Трудно себе представить, что горячие сторонники суда присяжных — высшие государственные чиновники и ученые А.Ф. Кони, И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев, С.И. Викторский и многие другие — не понимали того, что в юридической материи лучше разбирается юрист, а не случайно отобранный гражданин, по определению не имеющий к юридической профессии никакого отношения. Значит, представители общества привлекаются к отправлению правосудия для решения какой-то иной задачи, не совпадающей полностью с задачами профессионального судьи. Непонимание специфики этой задачи является главной причиной как резкого неприятия идеи суда присяжных многими профессионалами, так и предложений по его модификации, связанных с лишением этого суда своего сущностного качества. Профессиональные и непрофессиональные

судьи, решающие в правосудии общую задачу правильного и справедливого разрешения уголовного дела, участвуют в этом процессе с разными целями, обусловленными тем, что факт объективной действительности, ставший предметом судебного разбирательства, имеет не только (и не столько) юридическую, но и социальную составляющую. Социальная действительность не уместается полностью в рамки юридических формул, в которых преимущественно привык мыслить профессиональный юрист. Реальная жизнь несоизмеримо богаче и многообразнее этих формул.

Объективная оценка суда присяжных требует перевода рассуждений о нем из руслу профессиональной компетентности в русло мировоззрения и правосознания. По верному замечанию Н.А. Поляковой, «модель судопроизводства с участием присяжных заседателей необходимо рассматривать не как "суд народа", а как систему взаимодействия профессионального практического и обыденного индивидуально-группового сознания. Эти два вида правосознания, взаимодействуя и дополняя друг друга, проявляют свое новое более высокое качество»¹⁸. Это более высокое качество заключается в преодолении разрыва между формально юридическим и общечеловеческим пониманием действительности.

В соответствии со сказанным оптимизация процедуры производства в суде присяжных должна осуществляться с неизменным соблюдением двух правил: 1) присяжные не должны принимать решение по делу «вслепую», не имея возможности сопоставить позиции понравившихся (или не понравившихся) им юристов-профессионалов с познаваемой действительностью, то есть они должны получить максимально полное собственное представление об обстоятельствах, по поводу которых они выносят вердикт; 2) присяжные при этом не должны превращаться в профессиональных юристов при познании исследуемых обстоятельств, они должны познавать их, оставаясь в рамках обыденного правосознания, частично корректируемых процессуальной формой их участия в правосудии.

Главная ошибка юристов-профессионалов, предлагающих разные способы совершенствования процедуры производства в суде присяжных, состоит в попытке навязать присяжным собственные формально-юридические мировоззренческие и речевые стереотипы, «втиснуть» образы обыденного правосознания в стандартные рамки

юридического мышления. На такой логике основаны справедливо критикуемые С.А. Насоновым предложения некоторых авторов специально готовить присяжных к судебному разбирательству путем прочтения нескольких лекций по уголовному праву и процессу, путем обеспечения их необходимой литературой¹⁹. Внешне безобидное стремление к правовому просвещению на самом деле есть не что иное, как попытка навязать другому человеку собственное видение мира. Такой же логике подчинены предложения о необходимости «паритета прав» председательствующего и присяжных в исследовании доказательств, в том числе — о праве присяжных «напрямую» (то есть минуя председательствующего) задавать вопросы допрашиваемым²⁰. В качестве позитивного примера автор в данном случае ссылается на «паритет прав» в современном французском «суде присяжных»²¹, не учитывая, что французский суд ассизов давно утратил классические черты суда присяжных. Логически безупречная схема рассуждений В.М. Быкова о неравенстве прав и возможностей профессионального судьи и присяжного заседателя в современном российском суде присяжных и о необходимости повысить статус непрофессионального судьи приводит названного автора к абсолютно неизбежному в этой логической схеме выводу — чтобы уравнивать статус судей, необходимо ввести их в одну коллегию с председательствующим²². Хотя Ю.В. Шидловская и не формулирует такого же вывода, ликвидирующего саму идею суда присяжных, все аргументы о некоем «паритете прав» профессиональных и непрофессиональных судей — это довольно типичные аргументы противников суда присяжных.

Правосудие — это не узкопрофессиональная, не кастовая деятельность, это сфера самого широкого общественного интереса. Приговоры судов должны быть поняты обществом как объективно правильные и справедливые, иначе сам факт существования в данном обществе правосудия можно будет поставить под сомнение. Именно поэтому С.И. Викторский писал в начале XX в. о народном элементе в правосудии как о способе обеспечения в обществе действительного правосудия, а не одного только производства судебных дел²³. В профессиональном юридическом правосознании производство судебных дел равно судопроизводству, а последнее совпадает с правосудием. Трудно утверждать, что в этом равенстве нет прав-

ды, но и в утверждении о том, что правосудие — это не одно только производство судебных дел, тоже есть своя правда.

С учетом всего сказанного предложениями по совершенствованию процедуры производства в суде присяжных можно считать лишь те из них, которые не затрагивают самой природы суда присяжных, но связаны с такими процедурными изменениями, которые способствуют наиболее последовательной реализации его природы. Рассмотрим некоторые из предложений, связанных с совершенствованием процедуры формулирования вопросного листа, которую смело можно считать одной из основных проблем современного российского суда присяжных. Российская традиция по наиболее близким ей континентально-европейским образцам всегда допускала формулирование нескольких вопросов перед присяжными, но с предоставлением председательствующему возможности выбора между постановкой трёх основных вопросов или одного вопроса о виновности. В англосаксонской системе уголовного процесса ставится один вопрос — о виновности (либо невиновности) и в подавляющем большинстве случаев требует единогласного решения присяжных.

Правило ч. 2 ст. 339 УПК РФ, допускающее объединение трех основных вопросов (доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что его совершил подсудимый; виновен ли он) в одном вопросе о виновности, обсуждается в литературе достаточно широко и оценивается по разному

И.Л. Петрухин, воздерживаясь вообще от каких-либо оценок, полагает, что постановка единственного вопроса целесообразна в случае несложности обстоятельств дела, отсутствия разных версий защиты, кроме версии о невиновности, и признания всеми подсудимыми своей виновности²⁴. С такой рекомендацией трудно не согласиться. Однако нельзя не заметить, что уголовные дела, ставшие предметом рассмотрения с участием присяжных заседателей, как правило, не таковы. Более того, по делам с такими идеальными характеристиками, как описано выше, обвиняемым едва ли есть смысл ходатайствовать о рассмотрении их дел с участием присяжных.

С.С. Цыганенко, проведя эмпирические исследования, пишет, что «в практике Ростовского областного суда в 1994 году было отменено шесть приговоров по всем тем делам, где ставился один состав-

ной вопрос, после чего судьи больше не использовали указанное положение»²⁵. Констатируя этот факт, автор всё же полагает, что «обязательное требование о постановке именно трех основных вопросов <...> не соответствует разграничению полномочий и обладает рядом практических недостатков, а именно:

- способствует появлению правовой неопределенности в случае, если вердиктом присяжных было признано совершение подсудимым деяния, но по вопросу о его виновности присяжными был дан отрицательный ответ;
- усложняет вопросный лист, увеличивает риск появления противоречий в самом вердикте»²⁶.

В общем-то простая житейская логика подсказывает, что чем больше вопросов в вопросном листе, тем большая вероятность ошибок в их формулировании, тем большая опасность их непонимания присяжными, тем более вероятны внутренние противоречия как в формулировках вопросов, так и в ответах на них (то есть в вердикте). Наконец, чем больше вопросов, тем труднее прийти к единодушному решению, на что ориентирует ч. 1 ст. 343 УПК РФ. В контексте подобных размышлений С.С. Цыганенко ссылается на И.Я. Фойницкого, критиковавшего русский закон за возможность описанного выше выбора для председательствующего, и делает вывод о необходимости закрепить в законе правило, допускающее постановку единственного вопроса о виновности (либо невиновности) без альтернативы²⁷.

Однако в последние годы выявляется противоположный подход к решению проблемы. Ю.К. Якимович и Т.Д. Пан полагают, что формулировка объединенного вопроса трудна для понимания присяжными, и именно поэтому судьи на практике отказываются от его постановки²⁸. Общая логика главы 6 научно-практического пособия по производству в суде присяжных, изданного Российской академией правосудия в 2006 г. на основе обобщения практики деятельности суда присяжных за все предшествующие годы, такова, что неясность вердикта – это, как правило, следствие неправильной постановки вопросов, но в особой степени это касается постановки «объединенного» вопроса²⁹.

Н.А. Развейкина на основе изучения практики в контексте возможного неправомерного воздействия председательствующего на

присяжных заседателей приходит к выводу о необходимости вовсе исключить ч. 2 ст. 339 УПК РФ³⁰ и устранить тем самым возможность выбора между двумя разными вариантами формулирования вопросов, то есть о безальтернативной обязанности председательствующего поставить все три вопроса.

Полагаем, что есть основания прислушаться к тем выводам, которые продиктовало изучение практики: если объединенные вопросы в массовых масштабах не понятны присяжным заседателям, от них надо отказаться: сложные формулировки, состоящие из нескольких придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов, вводных слов, употребляемых в несовпадающих значениях, часто непонятны и самим юристам. Требовать в этих случаях понимания от присяжных — не только бессмысленно, но и опасно.

Суд присяжных во все времена выполнял важную функцию корректировки процедуры уголовного судопроизводства в целях ее совершенствования. Американский судья, например, достаточно свободен в решении важнейшего вопроса, ставшего в нашей литературе предметом серьезных споров — о передаче присяжным в совещательную комнату текста напутственного слова и отдельных доказательств, исследованных в судебном заседании³¹. Российские авторы, изучавшие проблемы суда присяжных под разными углами зрения, приходят к выводу о необходимости аналогичного законодательного решения и в России³².

Небезынтересны предложения авторов закрепить в законе и регламентировать процедуру «совещания у судейского стола», то есть разрешение частных правовых вопросов председательствующим после собеседования с профессиональными представителями сторон без официального удаления присяжных из зала судебного заседания³³. Эта процедура явочным порядком вводится в практику еще с 1990-г г., а в регламентации она нуждается потому, что при бесконтрольном использовании может приводить к неоправданному отстранению присяжных от восприятия тех обстоятельств, которые необходимы им для формирования внутреннего убеждения, полагаемого в основу вердикта; кроме того, «совещание у судейского стола» отстраняет непрофессиональных участников процесса от обсуждения вопросов, могущих затрагивать их права, и ограничивает гласность правосудия³⁴.

Предложения по совершенствованию процедуры производства в суде присяжных высказываются разные — сравнимые между собой и не сравнимые, созвучные и противоположные. Все они так или иначе заслуживают внимания и научного анализа: оптимизация процедуры возможна, как отмечалось, только в поиске баланса между одинаково недопустимыми крайностями, а сам факт такой оптимизации и способности суда присяжных отвечать на вызовы времени означает бесспорную перспективность и социальную полезность этого института.

Примечания

¹ Цыганенко, С.С. Производство по уголовным делам в российском уголовном процессе / С.С. Цыганенко. — Ростов-н/Д.: Изд-во «Проф-Пресс», 2003. — С. 210-211.

² Бойков, А.Д. Третья власть в России. Книга вторая — Продолжение реформ / А.Д. Бойков. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. — С. 98.

³ Подробный анализ литературы о суде присяжных того времени см., например: Тарасов, А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы / А.А. Тарасов. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. — С. 259-305.

⁴ Цит. по: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 15.

⁵ Аргументы в пользу суда присяжных анализировались по литературе и самостоятельно формулировались автором во многих публикациях с 1994 г. по настоящее время. Одна из последних работ: Тарасов, А.А. Соотношение профессионального и обыденного правопонимания в контексте производства в суде присяжных / А.А.Тарасов // Проблемы понимания права: сборник научных статей. — Сер.: Право России: новые подходы. — Вып. 3. — Саратов: Научная книга, 2007. — С. 392-417.

⁶ См.: Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В.М. Савицкого. — М.: Наука, 1981. — С. 159.

⁷ Карнозова, Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления / Л.М. Карнозова. — М.: NOTA BENE, 2000. — С. 27.

⁸ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб.: Альфа, 1996. — Т. 1. — С. 134-135. Подобным же образом разграничительные критерии определял С.И. Викторский в 1912 г. (см.: Викторский, С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. — С. 43).

⁹ См.: Корнуков, В.М. Приоритетные направления развития уголовно-процессуальной науки и уголовно-процессуального законодательства в новом

столетии / В.М. Корнуков // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции. — Саратов, 2001. — С. 75; Манова, Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н.С. Манова. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. — С. 153.

¹⁰ Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития / А.А. Демичев. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. — С. 279; Быков, В. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства / В. Быков // Уголовное право. — 2006. — №1. — С. 70.

¹¹ Шамсутдинов, Р.К. Актуальные вопросы уголовного правосудия в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.К. Шамсутдинов. — Челябинск, 2006. — С. 22.

¹² Насонов, С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика / С.А. Насонов. — М.: Р. Валент, 2001. — С. 147-148.

¹³ Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2006. — С. 165.

¹⁴ Там же. — С. 164.

¹⁵ Шамсутдинов, Р.К. Актуальные вопросы уголовного правосудия в современной России: дис. ... канд. юрид. наук / Р.К. Шамсутдинов. — Уфа, 2006. — С. 76.

¹⁶ Карнозова, Л.М. Указ. соч. — С. 89.

¹⁷ Там же. — С. 132.

¹⁸ Полякова, Н.А. Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Полякова. — Челябинск, 2007. — С. 6, 19.

¹⁹ Насонов, С.А. Указ. соч. — С. 148-149.

²⁰ См.: Шидловская, Ю.В. Участие присяжных заседателей в исследовании доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Шидловская. — Томск, 2007. — С. 9-10.

²¹ Там же. — С. 17-18.

²² Быков, В.М. Указ. соч. — С. 70.

²³ Викторский, С.И. Указ. соч. — С. 39.

²⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Т. Безлепкин [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008. — С. 499.

²⁵ Цыганенко, С.С. Указ. соч. — С. 220-221.

²⁶ Там же. — С. 227.

²⁷ Там же. — С. 221.

²⁸ Якимович, Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. — СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2005. — С. 212.

²⁸ Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: научно-практическое пособие / под ред. канд. юрид. наук, доц. А.В. Галаховой. — М.: Норма, 2006. — С. 507.

³⁰ Развейкина, Н.А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Развейкина. — Самара, 2007. — С. 9.

³¹ См.: Бернам, У. Правовая система США. 3-й выпуск / У. Бернам. — М.: Новая юстиция, 2006. — С. 203.

³² Полякова, Н.А. Указ. соч. — С. 24; Развейкина, Н.А. Указ. соч. — С. 19.

³³ Шидловская, Ю.В. Указ. соч. — С. 20.

³⁴ Насонов, С.А. Указ. соч. — С. 170.

В.А. Лазарева, Ю.В. Кувалдина*

ЗАОЧНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОСУДИЯ: ТРАДИЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Упрощение судопроизводства — объективная тенденция развития уголовно-процессуального права во всем мире. В соответствии с Рекомендациями Комитета министров Совета Европы¹ страны европейского региона признают одним из приоритетов в проведении национальной уголовной политики закрепление в законодательстве и применение на практике упрощенных процессуальных процедур для разрешения криминальных конфликтов.

В зарубежных странах на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса реализуются различные упрощенные порядки. При этом суммарные процедуры, функционирующие в одних государст-

---

* © Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В., 2008

Лазарева Валентина Александровна — профессор, д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

Кувалдина Юлия Владимировна — соискатель, Самарский государственный университет